

6. Кобозева, И.М. Конкретный пример лексико-семантического эксперимента: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
7. Ковалев, Г.Ф. Этнонимия славянских языков: номинация и словообразование / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: ВГУ, 1991. – 176 с.
8. Михаленко, А.О. Интересная лингвистика. Китайская грамота. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/10/Китайская_грамота.pdf. – Дата доступа: 22.08.2017.
9. Скоробогатова, Т.И. Этническая картина мира и этноидиоматика (на материале английского и французского языков) / Т.И. Скоробогатова, Т.А. Шкуратова // Вест. Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та. Сер. 3: Филология. – 2007. – № 9. – С. 97–114.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ
В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭМОТИВНОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

**NATIONAL MENTALITY IN THE FRAMEWORK
OF THE RUSSIAN LANGUAGE PHRASEOLOGY**

Д. М. Мухамедсапарова, Д. Б. Розьева

D. M. Muhamedsaparova, D. B. Rosyeva

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: floverisforever@mail.ru

В статье представлены результаты исследования особенностей метафорических образов во фразеологических единицах с семой «Гнев / Ярость» и «Страх» в русском языке, что позволило обнаружить репрезентативность соответствующих эмоциональных концептов, выявить сферы экспансии метафорических образов и характер собственно самих отсылочных образов при выражении отмеченных эмоциональных состояний.

Ключевые слова: эмоциосфера, эмотивная лексика, концепт, фразеологические единицы (ФЕ), метафорические модели, отсылочный образ.

The article deals with the results of the study of the peculiarities of metaphoric images in the phraseological units with the semes “Anger” and “Fear” in the Russian language, which reveals language representation of these emotional concepts, spheres of expansion of the metaphorical images and their specificity as instruments of naming feelings and emotions in the language.

Key words: emotional sphere, emotive vocabulary, concept, phraseological units, metaphorical models, reference image.

Язык – мощный инструмент выражения как индивидуальности отдельной языковой личности, так и национальной ментальности лингвокультурного сообщества: этноса, народа, нации; средство трансляции не только информации и мыслей, но и эмоциональных переживаний, состояний, чувств. Появление *эмотиологии* или *лингвистики эмоций*, изучающей вербализацию эмоциосферы человека, явилось одним из воплощений принципа антропоцентризма в лингвистических исследованиях. Язык, по словам В.И. Шаховского, эксплицирует и в этом процессе структурирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры [7, с. 15]. Таким образом, можно утверждать, что эмотивная лексика выступает не просто вербальным экспликатором человеческих эмоциональных состояний и переживаний, но и эффективным инструментом доступа к сознанию носителей того или иного языка и культуры, обнаруживая, тем самым, аксиологические доминанты (нравственные, этических, поведенческих и т. д.), формирующие портрет личности в той или иной культуре.

Эмотивные ФЕ можно назвать главным средством вербализации эмоций в языке, участвующим в создании языковой картины мира чувств и эмоций. Фразеологические репрезентанты эмоциосферы человека, как отмечает Э.Ф. Сафина, отличаются «наибольшей номинативной определенностью» в силу того, что эмотивные смыслы в семной структуре фразеологической единицы можно приравнять к денотативному значению [6, с. 143].

Основу фразеоломинации составляет фразеологическое переосмысление, которое является одним из способов познания человеком действительности и связано с воспроизведением реальных или воображаемых характеристик явлений и объектов на основе установления между ними отношений подобия посредством ассоциирования, которое составляет основу фразеологической метафоризации. Фразеологический фонд национального языка, таким образом, представляется оптимальным инструментом экспликации человеческих эмоций и чувств в силу заложенных в механизме фразеоломинации принципов ассоциирования и метафорического сравнения.

Специфика метафорических образов при оязыковлении чувств и эмоций во фразеологическом фонде языка детерминирована, можно утверждать, мировидением и мироощущением народа, закрепленным в культуре и социуме. Понимание символического значения этих образов позволяет уяснить, через какую «призму» воспринимается и оценивается индивидом и социокультурной общностью реальность

бытия и собственно человек в его сложных взаимоотношениях с миром. Именно это и определило наш исследовательский интерес к специфике фразеологических репрезентантов эмоциосферы человека.

Проведенное в свое время М.В. Мороз исследование концептосферы эмоций в английском языке на материале фразеологического фонда позволило установить, что наиболее репрезентативны в английском языке эмотивные ФЕ с семой «Ярость / Гнев», формирующие ядро концептосферы, за которым располагаются следующие задержные элементы этого семантического поля: концепты «Страх», «Грусть / Печаль», «Радость / Счастье» и «Удивление» [4, с. 181]. Именно поэтому наше исследование фокусируется на фразеологической экспликации концептов «Ярость / Гнев» и «Страх» в русском языке, представленных, предположительно, в концептосфере эмоциосферы человека наиболее ярко.

Страх считается базовой эмоцией для таких переживаний, как испуг, тревога, беспокойство, ужас и т. д. Например, *мурашки по коже бегут*, *сердце в пятки ушло*, *волосы встают дыбом* – все эти ФЕ, так или иначе, обозначают страх, но в первом случае это волнение, во втором – паника, в третьем – ужас. Отсюда, рассматриваемый нами концепт «Страх», как когнитивно-аффективное образование, характеризуется довольно широким диапазоном обозначаемого семантического признака: это обширная гамма переживаний от трепета, опасения, тревоги до фатальности и ужаса.

ФЕ, передающие состояние **гнева** и **ярости**, Г.А. Багаутдинова относит к фразеосемантической подгруппе «Возмущение. Негодование. Гнев. Ярость» [2, с. 134], что в терминах когнитивной лингвистики собственно и формирует номинативное поле концепта «Гнев / Ярость». Достаточно широкая семантика единиц этой группы указывает на высокую степень градуальности и смежности обозначаемых схожих чувств и эмоций, акцентирует переходность и амбивалентность целого ряда эмоциональных состояний. Это подтверждается и следующими дефинициями: возмущение – сильный гнев, негодование, крайнее недовольство; гнев – чувство сильного негодования, возмущения, раздражения; ярость – сильный гнев, озлобление. Целостный смысл состояния гнева / ярости диссимилирован в некоторой совокупности вариантов реализации эмоции; тем самым эмоциональный концепт «Гнев / Ярость», так же как и концепт «Страх», интегрирует некоторый диапазон одноприродных, но не эквивалентных душевных волнений.

Являясь единицами анализа психики и историческими константами в лингвокультуре и языке, характеризуясь «психичностью», обсессивностью и реактивностью, эмоциональные концепты (в нашем

случае «Страх» и «Гнев / Ярость») представляются эффективным инструментом изучения душевного и духовного бытия личности как микросферы национальной ментальности.

Этномаркированность эмотивных ФЕ проявляется самым непосредственным образом в специфике отсылочных образов в структуре фразеологизмов и в диапазоне сфер экспансии этих образов. Это, в свою очередь, детерминируется такими факторами, как «традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения и т. п.», исторически складывавшимися на протяжении становления и развития этноса [5, с. 74]. Наше исследование имело целью выявление сфер экспансии метафорических образов и характера собственно самих отсылочных образов при выражении состояний гнева / ярости и страха во фразеологическом фонде русского языка.

Итак, материалом нашего исследования явились фразеоломинанты с семой «Ярость / Гнев» и «Страх» в русском языке, как формирующие наиболее численные концепты эмоцисферы человека. Экспериментальный корпус составили 64 ФЕ с семой «Ярость / Гнев» и 56 – с семой «Страх», вычлененные с помощью метода сплошной выборки из ряда словарей. Настоящий экспериментальный корпус, можно утверждать, характеризуется высокой степенью полноты, а, следовательно, репрезентативен, что обеспечивает достоверность результатов анализа и возможность их обобщения.

Применение метода компонентного анализа всех единиц экспериментального корпуса позволило нам предложить **классификацию** метафорических моделей фразеоломинантов концептов «Ярость / Гнев» и «Страх» по критерию специфики отсылочного образа в ФЕ. Наша классификация включает следующие метафорические модели эмотивных фразеоломинантов: *антропоморфная, артефактная, природная, зоонимическая, антропосферная, эзотерическая и собственно вербальная*. Отдельную группу формируют *единичные* модели ФЕ, не поддающиеся типизации в силу невысокой численной представленности.

В ФЕ, построенных по *антропоморфной* модели, отсылочными образами для обозначения чувства гнева и состояния страха выступают части тела человека (*соматизмы*), физические и физиологические ощущения и свойства организма: (гнев / ярость) *глаза налились кровью, рвать на себе волосы, сорвать сердце*; (страх) *слова застряли в горле, обливаться холодным потом, зуб на зуб не попадает*. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, важнейшая базовая метафора – это наше

представление о собственном теле, поскольку именно оно определяет наше восприятие мира и его языковую репрезентацию [3, с. 35].

В *артефактной модели* эмотивной фразеологии имеет место апеллирование к результатам труда человека – созданным артефактным объектам: (ярость / гнев) *снести крышу, лезть в бутылку, камни вопиют*; (страх) как будто *варом* обдало, небо с *овчинку* показалось, свет в *рогожку* покажется. Выступая в роли отсылочных образов, артефакты, как замечает Н.Ф. Алефиренко, становятся «предметно-технологической основой семантизации» в ходе метафорического знакообразования [1, с. 67], каковым и выступает вербализация эмоций и чувств через единицы вторичной номинации.

В *зоонимической модели* состояния гнева и страха передаются через апеллирование к атрибутивным характеристикам поведения животных: (ярость / гнев) злой как *пес / собака, смотреть зверем*, злой как *цербер*; (страх) трусливый как *заяц*, как *заяц* под кустом, затаиться как *мышь* под метлой.

Структура фразеонимантов *антропосферной модели* содержит элементы духовного бытия и душевного состояния человека: (ярость / гнев): не помнить *себя* от злости, вне *себя* (от злости), без *ума* сделаться.

Во фразеологических единицах, построенных по *природной модели*, отсылочными образами являются природные объекты и явления: (гнев / ярость) *буря* в стакане воды, *метать громы и молнии, затмение* нашло; (страх) *дрожать* как осиновый лист, в *кустах* прятаться, бояться как *огня*.

К *эзотерической модели* были отнесены ФЕ, идентифицирующие состояния гнева и страха через сакральную интерпретацию сути бытия. Отсылочными образами выступают скрытые мистические сути объектов мира и человека: (гнев / ярость) *дьявол* (бес) вселился, злой как *черт*, сделаться *чертом*; (страх) бояться как *черт* ладана, бледен как *смерть*, напугать до *смерти*.

В *собственно вербальной модели* обнаруживается присутствие как ключевого элемента в структуре ФЕ собственно лексем первичной номинации со значением страх или гнев: (гнев) *лопаться от злости, прийти в бешенство*; (страх) *нагнать страху, напугаться до беспамятства*.

К группе «единичные» нами были отнесены ФЕ, либо не имеющие определенного отсылочного образа, либо метафорический сравнительный образ в составе которых не поддается типизации: (гнев / ярость) *шиза* напала, *довести до крайности*; (страх) *труса* праздновать, не сметь дохнуть.

Репрезентативность выделенных нами моделей ФЕ с семой «Гнев / Ярость» и «Страх» в русском языке в предложенной авторской классификации выявляет следующие акценты в способах «измерения» и вербального транслирования указанных эмоциональных состояний в культуре (Рис. 1).

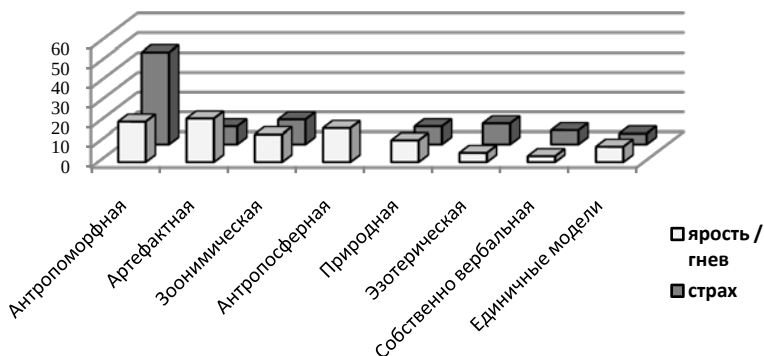

Рисунок 1 – Репрезентативность (%) метафорических моделей фразеониминантов концептов «Ярость / Гнев» и «Страх» в русском языке

Статистические результаты исследования позволяют утверждать, что самой репрезентативной моделью метафорического переноса при структурировании ФЕ с семой «Страх» (46,4%) и второй по репрезентативности для вербализации гнева / ярости (20,3%) в русском языке является **антропоморфная** модель. Тем самым можно полагать, что чувство страха особенно «физиологично» для человека и обнаруживается преимущественно через физические или физиологические проявления в организме. Особенно интенсивная фразеологическая активность соматизмов для передачи эмоций объясняется именно первичностью познания человеком самого себя через ощущения собственного тела.

Самыми активными образами метафорического сравнения в структуре эмотивных соматических ФЕ с семой «Гнев / Ярость» являются (а) **кровь**: *кровь ударила в голову, кровь в жилах закипает, портит себе кровь* и (б) **зуб(ы)**: *точить зуб, цедить сквозь зубы, скрежетать / скрипеть зубами*. Наиболее активным в отмеченной сфере экспансии образов для передачи состояния страха является

соматизм **сердце**: *сердце в пятки ушло, с замиранием сердца, сердце останавливается* и др.

Как свидетельствуют результаты исследования, ФЕ артефактной модели более репрезентативны для передачи состояния гнева / ярости (21,9%) *лезть на стену, снести крышу, лезть в бутылку, слететь с катушек* и др., нежели страха (9 %): *белый как полотно, свет в рогожку покажется* (от страха).

Примат артефактной модели для передачи гнева позволяет утверждать о «деятельностном» характере, побуждающей силе и «диалогичности» (социальности) гнева: его направленности на другое лицо / объект, его демонстративности. Примат соматического кода при передаче состояния страха свидетельствует о его преимущественно реактивной природе и его физически-физиологическом проявлении и скрытом характере, что детерминировано не социокультурными факторами, а биологическими законами.

Важно отметить, что эмотивные ФЕ антропосферной модели встречаются только для передачи состояния ярости и гнева (17,1%): *выйти из себя, не помнить себя от злости, не в духе, потерять контроль над собой*. Семантика отмеченных ФЕ позволяет предположить об отношении к состоянию гнева в русскоязычной лингвокультуре как к потере самоконтроля, что определяет доминирующую оценку данного состояния в обществе как *вполне контролируемого* силой человеческой воли и разума.

Статистические данные демонстрируют, что ФЕ с компонентом-зоонимом равно репрезентативны для выражения как состояния гнева (14%): *порвать как Тузик тряпку, какая муха тебя укусила?*, так и страха (12,5%): *заячья душа, как загнанный зверь*. Не выявлено и статистически значимой разницы во фразеологической активности природных компонентов для передачи гнева (*словно белены объелся, метать перуны*) и страха (*в кустах прятаться, бояться собственной тени*): 11% и 9% соответственно.

Эзотерическая модель более репрезентативна для вербализации состояния страха (10,5%), нежели гнева (4,7 %): *бояться как черт лаdana, испытывать благоговейный страх* и др., что позволяет говорить о присутствии в культуре мистической интерпретации сути бытия и человеческой духовности, что определяет наличие сакральных страхов.

Анализ разнообразия объектов ассоциирования и метафорического сравнения в эмотивной фразеологии с семей «Страх» и «Гнев / Ярость» в русском языке позволил нам выявить когнитивные модели образного переосмысления и оценки человеком своего душевного и духовного

бытия. Предложенная классификация акцентирует примат тех или иных эталонов в оценке человеческих душевных переживаний, что демонстрирует этнокультурные представления о явлениях, которые традиционно выступают «мерой всех вещей», приобретают символическое значение в культуре и структурируют коды культуры в их этнической специфике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Багаутдинова, Г.А. Аксиологическая лингвистика: языковая ценность языковых единиц и ценности, выражаемые языковыми единицами / Г.А. Багаутдинова // И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: материалы III Междунар. Бодуэновских чтений, Казань, 23-25 мая 2006 г.; под общ. ред. К.Р. Галлиулина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С. 132–135.
3. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ.; под ред. А.Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Мороз, М.В. Структура фразеологической концептосферы эмоций в английском языке / М.В. Мороз // Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков: Материалы Республиканского научно-практического семинара, Минск, 26 окт. 2012 г.: под. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 179–182.
5. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
6. Сафина, Э.Ф. Проблемы идентификации эмотивов (на примере семантического поля «печаль» в английском языке) / Э.Ф. Сафина // Вестник ЧГУ. Филология. Искусствоведение – 2011. – № 25 (240). Вып. 58. – С. 143–146.
7. Шаховский, В.И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. – 2007. – №5. – С. 8–20.

Словари и источники языкового материала

8. Булыко, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Булыко. – Минск: Харвест, 2007. – 448 с.
9. Галынский, М.С. Самый полный словарь крылатых слов и выражений: происхождение, толкование, применение / М.С. Галынский. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 510 с.
10. Ларионова, Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка / Ю.А. Ларионова. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.
11. Словарь образных выражений русского языка / под. ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
12. Фразеологический словарь выражения чувств и эмоций / Сноб. – 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylist.net/slovar/aaa.htm>. – Дата доступа: 15.05.2017.